

Криминологическая характеристика корыстных преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях

И.А. УВАРОВ – докторант Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Корыстная преступность представляет собой наиболее распространенное криминальное проявление в мире, имеет наибольшие количественные показатели по сравнению с другими видами преступности. Нередко доля корыстных преступлений в странах с развитой экономикой превышает 90%, а в развивающихся – 60% от общего объема всей зарегистрированной преступности. При этом нужно иметь в виду и наличие неучтенных преступлений (латентная преступность).

Под корыстью обычно понимается выгода, материальная польза. Соответственно корыстная мотивация – обусловленность поведения человека стремлением к выгоде. В наиболее общем виде корыстная мотивация присуща поведению любого человека, поскольку совершение поступков исключительно во вред себе или без какой бы то ни было пользы для себя идет в разрез с человеческой сущностью. Вместе с тем некоторые проявления корысти традиционно рассматриваются как противоречащие интересам общества (антисоциальные). В этой связи в праве категория корысти используется в более узком значении – как осознанное стремление к получению безвозмездной противоправной имущественной выгоды (корыстная заинтересованность, корыстная цель). Неосознанное стремление к обогащению (что присуще, по-видимому, всем без исключения людям), стремление обогатиться законными либо незаконными средствами, но с возмещением убытков не рассматривается правом как корысть.

Принято считать, что корыстная преступность имеет небольшое представительство в структуре пенитенциарной преступности. Это не соответствует действительности. Такого рода неточности обусловлены несколькими обстоятельствами. Прежде всего, это методологический подход. Среди субъектов корыстных преступлений в местах лишения свободы, как правило, называют только осужденных. Существующее в пенитенциарном сообществе представление о корпоративной этике категорически запрещает совершать кражи у таких же осужденных. Соответствующий вид преступного поведения имеет даже специальное название – «крысятничество», то есть кража у своих. Принимая все это во внимание исследователи исключают такого рода преступные проявления в пенитенциарном сообществе.

С другой стороны, осужденный, совершивший рассматриваемое посягательство, ставит себя таким образом вне «правового поля», опре-

деляемого пенитенциарным сообществом. Он – «вне закона». Такое понимание корыстной преступности осужденных может показаться странным, учитывая, какой контингент содержится в местах лишения свободы. Однако объяснение этому есть. Осужденные, находясь в изоляции, лишены большей части материальных благ. Невозможность обладания формирует и специфическое отношение к тем небольшим материальным ценностям, которые все же есть. Таким образом, посягнувший на эти незначительные блага не только нарушает право собственности, но и как бы усиливает испытываемое осужденным наказание. У осужденного нечего брать, а следовательно, все преступления корыстной направленности могут характеризоваться малозначительностью ущерба и не образовывать самостоятельного состава преступления.

Другой ошибкой исследователей является неправильное определение предмета пенитенциарной криминологии. Принято считать, что в него должны включаться только те преступления, которые совершаются осужденными¹, что правильно лишь отчасти. Если преступление в местах лишения свободы совершается сотрудниками и детерминировано условиями мест лишения свободы, то оно должно считаться пенитенциарным². По этому поводу в литературе закрепились позиция, согласно которой сотрудники исправительных учреждений могут рассматриваться в качестве самостоятельных субъектов пенитенциарных преступлений, например должностных³.

Отдельный вопрос представляет и соучастие представителей администрации в совершении корыстных преступлений. Как правило, непосредственными исполнителями таких преступлений выступают осужденные, но без деятельного (интеллектуального и физического) участия сотрудников совершение вряд ли было бы возможным. Это подтверждается тем обстоятельством, что осужденные не могут иметь свободного выхода за пределы мест лишения свободы, тогда как любые похищенные предметы нуждаются в реализации. Сделать это без помощи персонала мест лишения свободы невозможно. Все вышесказанное свидетельствует о необходимости расширения круга субъектов корыстных пенитенциарных преступлений до следующих пределов: осужденные, аттестованные сотрудники, вольнонаемные сотрудники, лица, которые по роду своей производственной деятельности могут работать с осужденными или на предприятиях исправительных учрежде-

ний, а также иные лица, которые могут вступать в контакт с осужденными в процессе отбывания наказания.

Таким образом, можно предположить, что криминологическая характеристика пенитенциарных преступлений корыстной направленности должна включать все виды преступлений, характеризующихся соответствующей мотивацией. Отсутствие специальных исследований этого вида преступных посягательств значительно снижает объективность их криминологической оценки.

Криминологическая характеристика корыстных преступлений, совершаемых осужденными в исправительных колониях, сводится к определению количественных и качественных показателей. В то же время в литературе отмечается высокий уровень латентности рассматриваемой преступности, что ставит под сомнение достоверность имеющихся статистических данных⁴. В сферу уголовно-правовой регистрации попадают только наиболее опасные и очевидные посягательства осужденных на чужое имущество. Другие преступления против собственности, содержащие признаки таких составов преступлений, как умышленное причинение имущественного вреда, вымогательство, неправомерное завладение чужим имуществом без цели хищения, либо вовсе не выявляются, либо переводятся в разряд дисциплинарных проступков, которые влекут за собой специфические формы правового реагирования. В результате наносится существенный ущерб интересам борьбы с такого рода преступлениями в местах лишения свободы.

В криминологии давно сложилось четкое понимание того, что в тех случаях, когда не предпринимаются необходимые меры противодействия какому-либо общественно опасному деянию, то оно имеет тенденцию к росту. На повышение уровня корыстных преступлений может указывать фактор увеличения количества имущества, находящегося в местах лишения свободы на праве частной собственности осужденных.

Специальные исследования показывают, что более 70% корыстных преступлений совершаются осужденными вследствие наличия «благоприятных» условий, связанных с ненадлежащим выполнением обязанностей по охране представителями администрации исправительных колоний и лицами, на которых возложена такая обязанность.

«Нравственные свойства личности осужденного во многом определяют его потребности и интересы. Нередко поведение осужденного обусловлено нормальными естественными потребностями, которые свойственны каждому человеку. Однако психологический механизм совершения конкретного преступления отчетливо обнаруживает криминогенную мотивацию такого социального поведения. Исследования показали, что потребность в продуктах питания

и в одежде возникает чаще других и составляет более половины похищенного осужденными во время отбывания наказания. Однако как одежда, так и продукты питания похищались для удовлетворения обусловленных негативных наклонностей. Так, потребность в продуктах питания возникла у 36% осужденных, совершивших хищение имущества»⁵.

Потребность в одежде возникает у 20,8% осужденных. Причем речь идет как о разрешенной к ношению одежде (которая похищается у самих осужденных, со складов, магазинов, кабинетов представителей администрации и т.д.), так и об одежде, которая не входит в перечень разрешенной к ношению осужденными, отбывающими наказание в исправительных колониях.

У осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях (чаще тех, кто пользуется правом безконвойного передвижения), возникает потребность и в хищении денег (5,5%), драгоценностей. Как правило, потерпевшими в этих случаях становятся вольнонаемные, большинство из которых состоит с расконвоированными осужденными в запрещенных связях. Потребительский спрос осужденного зависит от его социально-психологических качеств. У наркомана потребность в наркотиках, у алкоголика – в спиртных напитках. Здесь необходимо отметить, что при выборе объекта преступного посягательства, осужденный игнорирует то обстоятельство, что похищаемый предмет может быть запрещен к хранению и использованию в местах лишения свободы. Рассматриваемые деяния могут выступать в качестве условий для совершения других преступлений.

Непосредственной психологической причиной совершаемого осужденными в исправительных колониях корыстного преступления является стремление лица удовлетворить свои потребности посредством нарушения закона. Наиболее доступным способом выступает тайное хищение чужого имущества. По оценкам специалистов, в общей структуре корыстной преступности мест лишения свободы кража составляет 71,6%.

Одним из наиболее опасных видов корыстных преступлений, совершаемых осужденными, является разбойное нападение (8%). Во многих случаях оно имеет место в результате внезапно возникшего умысла, причем каждое второе разбойное нападение совершается лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. Почти две трети разбойных нападений были совершены лицами, ранее судимыми за хищения или другие преступления против собственности либо за насильственные преступления. Характерно, что предметом большинства хищений, совершаемых в форме разбоя, является государственное имущество.

Имеет место тенденция к росту и таких форм хищения, как присвоение и растрата имущества, вверенного осужденным, отбывающим лишение свободы. Подавляющее большинство

хищений в форме присвоения совершается в соучастии с вольнонаемными сотрудниками исправительных колоний. Причем осужденные в этих случаях выполняют функции материально ответственных лиц. Хищения имущества, совершенные осужденными в форме присвоения, составили 1,3% от общего количества хищений, в форме растраты – 2,6%. Как правило, растрата представляет собой продажу имущества, вверенного виновному или находящегося в его ведении⁶.

Анализ материалов судебной практики показывает, что 56,4% хищений происходят в жилых зонах. Чаще всего хищения в жилой зоне совершаются из магазинов исправительных колоний (23,5%) и столовых (14,6%). Однако имеются и факты хищения имущества из кабинетов начальников исправительных колоний и их заместителей (0,6%), начальников частей служб, расположенных на территории жилой зоны, и начальников отрядов (1,0%), из медицинских частей (3,2%). Зарегистрированы хищения из самых охраняемых мест исправительных колоний, то есть ШИЗО и ПКТ (0,3%).

В подавляющем большинстве случаев хищению подвергается личное имущество осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Так, в исправительных колониях общего режима потерпевшими от преступления были признаны 6,6% осужденных, строгого – 23,1%, особого – 0,2%. Хищения у осужденных совершались, как правило, из жилых помещений (40%), на рабочих местах (около 30%). Похищалось личное имущество осужденных и в банях, столовых, во время этапирования, в школах, больницах (около 10%) и т.д.

Специальное исследование, проведенное Е.В. Прысь, позволило выделить четыре категории осужденных, ставших потерпевшими от хищения. «Преступное поведение лица, совершившего хищение было обусловлено:

1) поведением потерпевшего (чаще такие осужденные распространяли слухи о своих богатых родственниках, которые им оказывают помощь, или о том, что им всегда везет в игре под интерес и у них есть много денег, и т.д.);

2) особыми его качествами (лица, которые не пользуются авторитетом, либо вновь прибывшие в исправительные колонии);

3) сложившимися ранее отношениями (как правило, это доверительные отношения, которые заканчиваются хищениями в форме обмана или злоупотреблением доверием);

4) отношениями, сложившимися в процессе столкновения (потерпевшими здесь являются

лица, которые случайно оставили без присмотра вещи либо у которых имущество было похищено в результате внезапного возникшего умысла)⁷.

Однако следует заметить, что хищения совершаются и у сотрудников исправительных учреждений. Так, например, сотрудники вольнонаемного состава значительно чаще выступают потерпевшими от корыстных преступлений, чем аттестованные сотрудники. В исправительных учреждениях общего вида режима количество вольнонаемных сотрудников, у которых было похищено их имущество, составляет 0,8%, строгого режима – 1,2%, особого режима – 0,2%. В категорию «риска», входят, как правило, те сотрудники исправительных учреждений, которые непосредственно работают с осужденными. Исключение могут представлять специалисты других предприятий и организаций, которые работали совместно с осужденными не на постоянной основе, например при установке оборудования, либо лица, осуществляющие руководство производством на контрагентских объектах⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Каретников И.В. Криминологические проблемы исполнения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы // Сов. гос-во и право. 1989. № 10. С. 66.

² Наиболее последовательно эту позицию обосновывает О.В. Старков (см., напр.: Старков О.В. К вопросу о предмете и системе криминологии // Проблемы юридической ответственности и исполнения уголовных наказаний. Рязань, 1985. С. 132). Другой автор, М. Костюк, предлагает относить сотрудников к субъектам пенитенциарной преступности только при совершении ими насильственных преступлений (см.: Костюк М. Насилие в местах лишения свободы (социально-правовой аспект) // Законность. 1998. № 12. С. 45).

³ См., напр.: Ивашко И.Ю. Профилактика экономических преступлений в уголовно-исполнительной системе средствами контрольно-ревизионной деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2002. С. 12.

⁴ См.: Прысь В.Е. Хищение в исправительно-трудовых колониях // Человек: преступление и наказание. 1995. № 1. С. 31.

⁵ Прысь Е.В. Борьба с хищениями чужого имущества, совершаемыми осужденными в исправительных колониях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998. С. 16.

⁶ См.: Григорьев А.И., Пантелеев В.А. Присвоения и растраты, совершаемые в условиях исправительных учреждений УИС России, и их предупреждение. Владимир, 2005. С. 32.

⁷ Прысь Е.В. Борьба с хищениями чужого имущества, совершаемого осужденными в исправительных колониях. С. 18.

⁸ См.: Прысь Е.В. Формы хищения имущества, совершаемого осужденными в ИТК // Человек: преступление и наказание. 1995. № 3. С. 41.